

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-2-9

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧУВСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

© **Виктория Ивановна Барвенко**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

777vikb@mail.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация человеческой чувственности как экзистенциально-онтологического опыта субъекта в ситуации постмодерна. Перформативные коммуникативные стратегии современного общества раскрываются на уровне двуединых природно-социальных истоков человеческой чувственности. Свойственное постмодерну отождествление чувственности, телесности, желания и текстовой реальности в условиях бурной урбанистической динамики и развития цифровой сетевой среды приводит к тому, что знаки и коды чувств выступают исходной площадкой события индивида в жизненном пространстве.

Ключевые слова: слова: чувственность, постмодерн, перформативность, сознание, автореференция, феноменология события.

Для цитирования: Барвенко В.И. Феноменология чувственности в культуре постмодерна // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 102. № 1. С. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-2-9

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The phenomenology of sensuality in postmodern culture

© **Victoria I. Barvenko**

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation

777vikb@mail.ru

Abstract. The transformation of human sensuality as an existential-ontological experience of a subject in a postmodern situation is considered. The performative communicative strategies of modern society are revealed at the level of the dual natural and social origins of human sensuality. The postmodern identification of sensuality, physicality, desire and textual reality in the conditions of rapid urban dynamics and the development of the digital network environment leads to the fact that signs and codes of feelings act as the starting point of an individual's event in the living space.

Key words: words, sensuality, postmodern, performativity, consciousness, autoreference, phenomenology of the event.

For citation: Barvenko V.I. The phenomenology of sensuality in postmodern culture. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 102. No 1. P. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-2-9

Введение

Культурная ситуация постмодерна на сегодняшний день составляет без преувеличения краеугольный камень философского самосознания времени. Два основных полюса, сложившихся на сегодняшний день в пространстве социально-гуманитарной и культурологической мысли, характеризуют оценки и отношение к тем реалиям самого человека, его мышления, идентичности и ценностной определенности, которые доминируют на рубеже тысячелетий, – 1) критическое отрицание постмодернистской алогичности мысли, творчества, деконструкции классики и 2) следование в фарватере обозначенных еще во второй половине XX в. тенденций исследования культуры как реальности текстовой, знаковой, телесной, не только мыслимой, но и чувствуемой.

Особая роль чувственности в антропологическом опыте современности связывается не только с приоритетом технологического совершенствования жизни миллионов людей, повышением качества жизни, возможностью удовлетворения растущих потребностей, но и с пере-

осмыслением более глубинных философских констант, таких как *Бытие* и *Слово*. Культура и мысль в эпоху постмодерна знаменуют качественно новый этап в толковании человеческой природы – тела и его опыта. Понятие «тело» становится одной из центральных философских категорий, активно применяемых в исследовании социально-политических, экономических, этнолингвистических и иных процессов.

Ключевой вектор эволюции постиндустриального общества, связанный с широким внедрением цифровых каналов коммуникации и сетевого типа интеракции, трансформирует публичное пространство коллективного опыта именно в преломлении совершенствования форм и методов телесных контактов, тактильности и чувствительности. Постмодерн на уровне философской диагностики и характеризует в первую очередь состояние антропологического ландшафта в условиях урбанизации и глобализации, когда плотность жизненного пространства сжимается, интенсивность контактов растет, но и вместе с тем, благодаря новейшим электронным технологиям, упрощается процесс культурного обмена, идентификации. Тактильность, возможность визуализации, повышенная контагиозность коммуникативного урбанизированного пространства, онлайн-доступность любой услуги, любого культурного кода или символа становятся едва ли не ведущим маркером постмодернистских трансформаций всего общества в целом.

Философское самосознание в свою очередь реагирует на эти процессы посредством отыскания новых эпистемологических моделей, новых граней самого опыта сознания. Ситуация постмодерна, в которой именно чувственность и чувствительность оказываются преобладающими модусами человеческой экзистенции и исходными точками крепления культурологических моделей, лучше всего описывается на основе феноменологической парадигмы *события* (в противоположность классической онто-гносеологической модели сценария). Исследование роли чувства в контексте современных социокультурных метаморфоз по этой причине не может оставаться в пределах традиционного дискурса чувственности. Ключевые философские интуиции постмодерна предельно эстетизированы.

Обсуждение

Чувства – это мост, связывающий человека с миром, но он же и путь внесения градаций в воспринимаемый предмет. Слышать и зреть мир – это означает всегда слышать и зреть нечто определенное «*это*». Которое хоть и дано непосредственно в перцептивном опыте каждому субъекту, но вместе с тем достаточно абстрагировано от целостности реальности (потому Гегель и писал об обманчивом характере непосредственности чувственного богатства [1, с. 57]). С этим связана одна из самых трудных проблем истории европейской рационалистической мысли прошлого – проблема объективности реальности.

Вся классическая западная культура (не только интеллектуальная составляющая, но и практики повседневности, творческие модели в искусстве, коммуникативные стратегии и т. д.) изначально опиралась на дихотомию телесного (материального, чувственного) и духовного (сверхприродного, высшего, ценностно окрашенного). Данное противопоставление лежало в основе и всех великих достижений европейской цивилизации (в том числе классической науки) и всех ее же трагических разломов и расколов. С последним обстоятельством связаны такие ключевые фронтальные темы классического искусства (литературы, музыки, живописи, пластического искусства) как страдание, одиночество, напряженный поиск смысла, переживание разрыва истинного и ложного, сакрального и профанного и др.

Если современность или ситуацию постмодерна рассматривать как простую антитезу классике и соответственно ее онтологической и аксиологической стратегии (иерархическая структура как самого Бытия, так и Слова, описывающего эти лестничные марши уровней реальности), то многое остаётся за гранью понимания. Прежде всего вопрос о роли чувств в жизни человека и культуры. Можно ли рассматривать ситуацию культурной обнаженности и доминирования форм телесной апробации смыслов как реанимирование некогда униженной природной (первичной) реальности «я»? Вряд ли.

Все основные западные версии критики чувственности – аскетизм, стоицизм и рационализм (как в узком гносеологическом, так и в более широком метафизическом смысле слова) – никогда не отрицали саму чувственность как таковую. В христианской патристической антропологии (как латинской, так и византийской) речь шла лишь о смирении страстей. Достаточно привести в качестве примера известную концепцию «смиренномудрия» Преподобного Иоанна Лествичника. В его антропологии подчеркивается фундаментальный смысл смирения: борьба со страстями есть прежде всего борьба с гордыней, но не с телом [9, с. 280].

Но вот важнейший отличительный признак постмодерна на этом историко-культурном фоне – это включение особого *языка* телесности (дискурса тела, «плоти», «кожи», потребностей тела, жажды наслаждения сексом, вкусом, ароматами, визуальными эффектами и пр.) в опыт *самосознания* культуры, в область идентификационных или знаковых (кодовых) сегментов. Как отмечает Л.А. Мирская, «Гиперрефлексивный эротический текст постмодерна является продолжением и развитием тех дискурсивных практик, которые были заложены еще в эпоху Просвещения и, претерпев изменения в культуре модерна, предельно обнажили телесность. В эпоху Просвещения дискурсивность двояка: с одной стороны, роман (дневник-текст), расчленяющий тело на чувственные зоны и затем собирающий эти зоны совершенно рассудочно в образ наслаждения. С другой – это исповедь о содеянном грехе, подробное и последовательное изложение эротического желания и акта. Ситуация постмодерна позволила этой тенденции проявиться явно, занять особые позиции в культуре» [4, с. 47].

Если же сама чувственность в ситуации постмодерна становится неким текстом как конечным означающим (пределом референциального соотношения слова (имени) и предмета, сущности), то наличный опыт, практика такой чувственности ассимилирует в себе как повседневность, так и более рафинированные и иногда скрытые от всеобщего обозрения лакуны опыта творчества, рефлексии. И если повседневность традиционно всегда рассматривалась как область реализации «природной» жизненной программы (удовлетворение первичных потребностей в еде, продолжении рода, безопасности и т.д.), то реальность, созданная и существующая как результат «языковых игр» (которые в свою очередь могут быть детерминированы социальными или иными рангами и различиями, идентификационными нормами и правилами), интеллектуального или художественного творчества только в ситуации постмодерна получила трактовку как опыт самореференции сознания и тела, культуры. Ж. Липовецки пишет о «неогедонизме» [2, с. 204].

Чувственность как текст, иными словами, есть перформативное сказывание. Данный тезис является ключевым для понимания специфики культурной ситуации постсовременности, в которой чувствам отводится не просто значительная роль в жизни общества и личности. Технически вооруженная эстетизированная реальность городской жизненной среды (особенно в крупных мегаполисах) представляет собой с этой точки зрения масштабный опыт *онтологического ренессанса чувственности*. Например, чем является в этой связи феномен современного городского искусства (такие арт-практики, как перформанс, инсталляции и т.п.)? За художественными практиками новейшего времени скрывается не что иное, как утверждающаяся онтология события присутствующих (со-присутствующих) индивидов в едином культурно означенном пространстве.

Эстетика перформанса, синтезирующая автора и зрителя в единое семантическое и смысловое целое, максимально полно выражает собой эту онтологическую стратегию постмодернистского толкования чувственности. Чувственность в данном случае рассматривается не как некий низший уровень человеческой «самости» (термин «самость» используем в том значении, о котором писал в свое время Г. Юнг, характеризуя сущность художественного творчества [11, с. 118]) или экзистенции, который противостоит более высокому – мышлению, рассудку или духовной энергетике, а как единственно возможный в сложившейся социально-культурной ситуации способ референции (точнее, автореференции, – в этом и смысл перформативности) налично данного индивидуального опыта. Опыта, исходящего из эмпирической фактичности, не отягощенной метафизическими конструкциями прошлого и отчуждением единичного индивидуального существования от всеобщих ценностно-нормативных платформ.

Для того чтобы понять, каковы пределы ассимиляции чувственности внутри культурного процесса, необходимо ответить на следующий вопрос: исчерпывается ли телесный опыт человека только процессом непосредственного удовлетворения природных потребностей (без которого тело погибнет)? Современное урбанизированное жизненное пространство наполнено множеством знаков тела (постмодернистские авторы пишут о тираническом господстве фаллоса в культуре). Чувства человека находятся в непрерывном диалоге и полилоге. Перформативный характер этого коммуницирования как раз и заключается в том, что каждому возникающему чувственному позыву городская жизненная среда предоставляет ответ. Еще в начале XX в. испанский автор Ортега-и-Гассет точно определил духовное оскудение представителя массовой городской культуры: «...Психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты – беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и, второе, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь».

Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка. И в общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат» [6, с. 57]. Через столетие после этих слов испанского философа, в ситуации колоссального роста темпов городской жизни можно смело утверждать, что технический прогресс отнюдь не стал способом преодоления отчуждения чувственности индивида. Событие *присутствующего* в технологизированном потоке пространства и времени индивида и есть явление, само себя интерпретирующее и селекционирующее те или иные смыслы и знаки. Собственная идентичность «я» достаточно компактно уместается в том, что можно *увидеть* или *услышать*, а значит она довольно легко доступна для считывания другим субъектам. В ситуации постмодерна происходит, с одной стороны, разрыв чувствительности и интимности, с другой же, резко сокращается спектр смысловых градаций и трактовок чувств человека, потому как их аккумуляция реализуется в публичном пространстве со-присутствия и встреч.

Чувственность есть основа жизни всех живых организмов на планете. Собственно, *жизнь*, могучий поток рождений и смертей, борьбы, разрушения и созидания, есть результат удовлетворения первичных потребностей. Их суть – в продолжении жизни. Но в случае с человеком наличие и удовлетворение базовых потребностей еще не составляет фундамент жизни. Более того, этот процесс, связанный именно с природной чувствительностью, в своем завершении лишь открывает новые горизонты, новые структуры и формы существования, связанные уже не с простыми чувствами, а с потребностями в знании, любви, признании, избирательном и ценностном описании и воспроизводстве реальности. Не случайно американский гуманист прошлого века А. Маслоу в своей известной концепции иерархической структуры человеческих потребностей отводит базовым первичным потребностям роль ключа к более высоким и более человеческим потребностям, независимым от природных предпосылок существования и создающим реальность совершенно иного рода. Мир культуры, мир творчества, в котором смыслы и ценности, знаки и символы играют приоритетную роль по отношению к посюсторонней материально оформленной оболочке жизни. Что самое интересное, и об этом также пишет Маслоу: далеко не всегда пирамидальная структура потребностей предполагает отрицание низших чувств (и соответствующих потребностей) на высоких уровнях. «...Высшие потребности могут время от времени появляться не после удовлетворения, но скорее в результате вынужденной или добровольной депривации, отречения или подавления базовых потребностей низшего уровня и стремления к их удовлетворению (аскетизм, сублимация, воздействие неприятия, муштры, гонений, изоляции и т.д.)» [3, с. 61].

Такие чувства как зрение, слух, вкус, обоняние и пр. являются проводниками удовлетворения всех первичных жизненных потребностей индивида (как и любого другого живого организма). В истории культуры постепенно формировался набор сверхприродных методов телесного опыта. Например, голод утоляется через насыщение пищей или водой. Но само по себе *чувство* голода не может быть полностью воспроизведено через описание физиологических процессов в организме. Как и любое другое чувство, оно есть нередуцируемый поток

перцепции и, одновременно, переживание самого себя в этом потоке. Собственной телесности, эмоций и даже мыслей. *Феноменология* голода, равно как и феноменология наслаждения сексом или приятным ароматом, привлекательными аудиовизуальными эффектами (городская жизненная цифровая среда богата такими предложениями, что в свою очередь составляет основу экономической эффективности соответствующего типа локации производства, обмена и торговли) далеко не исчерпывается получением организмом определенного физического (химического, биологического и т.д.) субстрата.

С чисто соматической (физиологической) точки зрения чувство голода есть иммунная реакция организма, провоцируемая нейронными процессами в коре головного мозга [5]. Но таково ли *чувство голода* в сознании и опыте миллионов людей? Ответ очевиден. Голод – это всего лишь грань телесного опыта «я», небольшой пример. И, казалось бы, столь ли велики культурные дистанции между чувством голода человека эпохи Барокко от чувства голода жителя современного мегаполиса? С одной стороны – нет. Дистанция на телесном уровне минимальна. С другой же, сегодня осталось значительно меньше аргументов, которые могли бы в сознании простого обывателя как-то ценностно санкционировать голод или оправдать его. И вот тут как раз и возникает парадоксальная ситуация: чем острее голод как опыт телесной нужды, тем слабее чувствительность голода, сам голод как культурный или ценностный голод и наоборот, чем слабее голод как нужда, тем тираничнее чувствительность. Ситуация, характерная для всей современной цивилизации.

Изначально в феноменологии чувственности присутствовал элемент самонаблюдения, самовосприятия, самоощущения. Причем в зависимости от конкретной культурной ситуации и эпохи, субъектом такого видения могло быть как само «я», так и *Другой* субъект, общество в целом или отдельная социальная прослойка (значимая референтная группа, сословие, профессиональный круг и пр.), и даже, как в культуре барокко и рококо, неодушевленный предмет – зеркало. Феноменология основных чувств человека непременно включает в себя также и *выражение* этих чувств, некий опыт коммуникации и презентации «я» посредством семантики этих чувств и их материальной почвы. Как раз перформативное изменение этого опыта выражения и характеризует отличия постмодерна. Урбанизированное жизненное пространство – это всегда пространство Другого.

Ставить знак тождества между той или иной потребностью и чувством, соотносимым с предметом, составляющим объект потребности, нельзя. Половая потребность человека и сфера сексуального желания, мир интимного общения полов, настолько не совпадают друг с другом, что возникает даже сомнение в том, что же на самом деле первично в этой области – психофизиологическая предрасположенность разных полов друг к другу или культурная семантика, секс как текст, написанный и прочитанный миллионами соавторов? Далеко не всегда сексуальное влечение может приводить к получению удовольствия (хотя именно таков ассоциативный ряд в сознании большинства людей, осознающих в себе внутреннюю потребность в половых контактах). Нередко итогом удовлетворения сексуального чувства становится отращивание либо в прямом смысле слова, либо, как подавленное сопротивление (вариант невротизма, как это показал в своей книге один из авторов гештальттерапии Ф. Перлз [7, с. 148–155]).

Аналогично и чувство голода. Казалось бы, оно настолько очевидно абсолютно для каждого из живущих на планете Земля живых существ, что не остается потаенных смыслов, требующих особого философского шифрования. Однако не менее очевиден и другой культурно-исторический факт: простое физическое насыщение организма по мере социокультурной эволюции прочно обрастало символикой и соответствующими сложными ритуалами, которые выстраивали определенные линии социальных и даже духовных зависимостей между участниками трапезы. Область *вкуса* постепенно выходила за рамки перцептивных ощущений стандартного набора оттенков. Доминирующей стала именно *эстетическая* стратегия трапезы и кухни, выработалась своеобразная аксиологически окрашенная *чувствительность* по отношению к еде. Сама пища стала текстом, который еще нужно было уметь читать и воспринимать заложенные в нем смыслы (иногда в виде полутонов и намеков, до-

ступных лишь избранным участникам «стола»). Произошел перенос акцентов с наслаждения едой (как утолением физического голода) на наслаждение вкусами (как утолением потребности не только в пище, но и в символическом потреблении, обладающим мощным идентификационным потенциалом). Гастрономия и кулинария становятся самыми настоящими искусствами. И цель такого искусства – в удовлетворении гораздо более утонченных смыслов и потребностей индивида как субъекта определенной социокультурной группы.

Напомним, что спецификация именно этой перформативной феноменологии чувственности была важнейшей темой философской антропологии XX в. М. Шелер, размышляя об отличии человеческой чувственности и самости от животной, подчеркивает: человек, чувства которого образует фундамент удовлетворения его жизненных потребностей и мост к миру, тем не менее есть существо «духовное», и как таковое «способно на поведение, прямо противоположное по форме [чувственно обусловленному]. Первый акт этой новой драмы, человеческой драмы: поведение сначала мотивируется чистым так-бытием возвышенного до предмета комплекса созерцаний, причем принципиально независимо от физиологической определенности человеческого организма, независимо от импульсов его влечений и вспыхивающей именно в них и всегда модально, т.е. оптически или акустически и т.д., определенной чувственной наружной стороны окружающего мира. Вторым актом драмы является свободное, исходящее из центра личности торможение или растормаживание первоначально задержанного импульса влечения. А третьим актом является изменение предметности какой-то вещи, пережитое как самоценное и окончательное» [10, с. 54–55].

Двуединный характер чувственного связывания индивида и мира приводит к тому, что человек, чувственно-избирательно воспринимающий мир в угоду собственным нуждам, потребностям, не просто пассивно созерцает реальность, он ее конструирует, активно оформляет. На это указывает в своем анализе и Плеснер: «Между организмом и средой возможны два вида отношений: пассивно воспринимающее и активно оформляющее. В одном случае организм воспримлет среду, среда оформляет, в другом случае оформляет организм, а среда воспримлет» [8, с. 119].

В современной массовой урбанизированной культуре потребление вновь отодвинуло на задний план выработанный в эпоху Просвещения в европейской аристократической традиции идеал изысканного вкуса. Следует отметить, что голод и нужда стали циничным способом манипуляции общественным сознанием с целью расширения сфер влияния крупных экономических субъектов (производителей, компаний, торговых сетей и т.д.). Продуктовое изобилие, яркий калейдоскоп красок оберток и фантиков возбуждает в человеке желание насыщения разнообразного, которое уже не имеет ничего общего с физиологической потребностью. Акт утоления практически любого чувства сегодня превратился в перформанс (подобно превращению в перформанс любого социального, политического или публичного символического действия).

Выводы

Простая чувственность способна оказывать влияние на весь комплекс человеческого восприятия и самовосприятия. Иными словами, нельзя отождествлять насущные жизненно важные потребности как единство функций организма и их реализации с соответствующими чувствами. В данном случае можно, конечно, утверждать, что простое чувственное восприятие, связанное с удовлетворением витальных потребностей, имеет мало общего с самосознанием и опытом экзистенциальной целостности. Но в том-то и дело, что простые чувства, наполняя присутствие человека разными цветами, вкусами, красками, ароматами, средой и пр., вносят в этот мир определённые различия.

В культурной ситуации постмодерна «избыток» чувственности (Л. Мирская) оборачивается неоднозначными следствиями: 1) практики телесности и опыт наслаждения отчуждается от индивида и становится объектом манипуляции (постмодерну свойственен ультрагедонизм – тело управляет индивидом, обратная зависимость просматривается слабо); 2) чувства как почва чувствительности индивида в определенной социально-политической и

культурной среде современного города и высокотехнологичного жизненного пространства оказываются единственно адекватным способом эстетического самосознания урбанизированного жизненного опыта и соответствующего хронотопа. С этим и связан перформативный характер чувствительности в ситуации постмодерна.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 2002. 445 с.
2. Липовецки Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Пер. с франц. Ю. Розенберг, под науч. и лит. ред. А. Маркова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014. 351 с.
4. Мирская Л.А. Постмодерн: дискурс избыточной чувственности // Гуманитарий юга России. 2016. № 2. С. 46–57.
5. Нормальная физиология: Учебник / К.В. Судаков [и др.]; под ред. К.В. Судакова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 880 с. – URL: <http://www.studmedlib.ru/book/ISBN9785970435281.html> (дата обращения 01.11.2023).
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сборник / Пер. с исп. М.: АСТ, 2002. 509 с.
7. Перлз Ф.С. Эго, голод и агрессия / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. 358 с.
8. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
9. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. 8-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
10. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 54–63.
11. Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 103–118.

References

12. Hegel G.V.F. Phenomenology of Spirit. SPb.: Nauka, 2002. 445 p.
13. Lipowiecki J. Empire of the ephemeral. Fashion and its fate in modern society / Trans. from French by Y. Rosenberg, under the scientific and literary ed. by A. Markov. Moscow: New Literary Review, 2012. 336 p.
14. Maslow A. Motivation and Personality. SPb.: Peter, 2014. 351 p.
15. Mirskaya L.A. Postmodern: discourse of excessive sensuality // Humanitarian of the South of Russia. 2016. № 2. P. 46–57.
16. Normal physiology: Textbook / K.V. Sudakov [et al]; ed. by K.V. Sudakov. Moscow: GEOTAR-Media, 2015. 880 p. – URL: <http://www.studmedlib.ru/book/ISBN9785970435281.html> (accessed 01.11.2023).
17. Ortega y Gasset H. The Revolt of the Masses: Collected Works / Trans. from Spanish M.: AST, 2002. 509 p.
18. Perls F.S. Ego, hunger and aggression Trans. from Spanish M.: Slym, 2000. 358 p.
19. Plesner H. Steps of Organic and Man // The Problem of Man in Western Philosophy: Translations, comp. and afterword by P.S. Gurevich; ed. by Y.N. Popov. M.: Progress, 1988. P. 96–151.

20. *The Venerable John the Ladder-bearer*. The Ladder that raises to heaven. 8th ed. M.: Sretensky Monastery Publishing House, 2013. 592 p.
21. *Scheler M.* The Position of Man in the Cosmos // The Problem of Man in Western Philosophy: Translations, comp. and afterword by P.S. Gurevich; ed. by Y.N. Popov. M.: Progress, 1988. P. 54–63.
22. *Jung K.G.* Psychology and poetic creativity // Self-consciousness of European culture of the twentieth century: thinkers and writers of the West about the place of culture in modern society. M.: Politizdat, 1991. P. 103–118.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 12.01.2024.

The article was submitted 26.12.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 12.01.2024.